

machine desirante

Эмиль Петросян

Данный труд написан в 2000 году на работе, во время напряженных графиков по сдаче отчетов в конце финансового года. Меня постоянно отвлекали по работе, но я писал вопреки всему и всем. Что получилось в результате – судить вам. Текст дерганный и фрагментарный. В нем огромное количество повторений и мест, которые я сам совершенно не понимаю. Но, думаю, что в этом и есть смысл этого произведения. Оно - неуловимо.

Иными словами, перед вами деструктивный роман, написанный в невероятных муках, на которые в те годы меня обрекла судьба, несмотря на кучу университетских премий, сделав из перспективного ученого - обычного офисного клерка. И все же, я надеюсь, что во многом идеи, заложенные в этот текст, найдут отклик у читателя.

Роман воспроизводит механические и математические особенности машин, энергию их тактов, а также алгоритмы и синтез абстрактных автоматов.

1.

Она обычно всегда снимала перед сном, почти всегда абсолютно снимала свою звезду и клала ее в стакан с холодной водой. Потом какие-то последователи культа дефлорации разжигали первобытнообщинный светильник. Бивис и Батхед шатались по комнатам с мухобойкой и заставляли учить правописание безударных гласных в конце слова. Тяжело же им приходилось. Да и нам несладко.

2.

Мисс Дворски сидела на потолке, как муха. Точнее она и была мухой. Несмотря на ее привлекательную толстоту и целлюлитную жопу, она апеллировала к высшим человеческим чувствам, которые вспыхивали во тьме, как светильник или сигнальная ракета межконтинентального действия. Конечно, мы все это прекрасно понимали.

3.

Она вдруг сделала жест рукой (или ногой) и проскользнула в дверную щелку, как новогодний олень. Не мухобойкой единой, подумалось мне.

Все кричали – сдохни, сука! Каждый мог ошибиться. Стелла схватила со стола нож и вырезала на двери мандалу для инициации нарисованного ею в детстве слона. Зачем она это делала? Жирафа, появившегося на телеэкране, убил первобытный охотник. Козочки все скачут по отвесным скалам, в которых Джонни просверлил себе пещеру или нору, а в соседнем дупле живет сэр Воткни, который отлынивает от армейской службы.

4.

Дайана поплевала на ладони с таким смаком, что Рюни почудилось, что у нее в руках член комиссара полиции. После смерти ее мужа ее сиськи опечатали до полного выяснения деталей самоубийства. Это развеселило тонущего в вечерних новостях старикашку, и тот чихнул так, что получил инфаркт, и его пришлось

переть в кунсткамеру, иначе ипподромы бы взбунтовались и потребовали бы выдачи своего жоака малайзийскому суду.

Конечно, его потом засудили, и он тихо молился инопланетянину, который его навещал. Значительную часть бренди все-таки удалось выпить, несколько добровольцев спешили и дальше продолжали свой путь только вверх по ее очень длинным ногам. Она, было, ринулась в забытии пожимать руки чрезвычайным и уполномоченным послам, приехавшим встречать к трапу, к которому ее затащили силком, чтобы не задохнулась в подземке, разевая рот, но что-то еще содрогалось в ее гнусном и прекрасном бормотании.

5.

Сексомет был приведен в действие. Его окружили тонкостанные, полножопые и сладкоголосые девки. На пятом курсе во время ренессанса она вознесла на алтарь соседней книжной лавки свою банковскую карточку. Нас пригласили читать лекции о прогнозе погоды, и тут все ее лопасти пришлось ко двору – ее вычистили и запустили.

6.

Во рту у нее шипело что-то мятное, трое любителей популярной музыки уплыли на необитаемый остров. Робинзон извернулся, как борец, и приобрел новый мобильный телефон с улучшенными функциями. Эта молочная белизна лица и глаза полуоткрытые с мягким ангельским блеском (хотя я всегда считал, что это невозможно по китайскому гороскопу) сводили меня с ума.

7.

После митинга мне сказали, что утром сдохнут все самые добрые деревья в округе. По радио тоже сказали, что истребители уже вылетели с баз. Она даже изобрела оперу, которую нужно не петь, а проговорить шепотом, уткнувшись в сиськи. Праздничные гуляния начались ни с того, ни с чего. Я проводил ее руку до сакрального места, и она став в третью позицию, или даже сев на шпагат, прошла по этой тонкой нити на ушах тети Салли, взявшей за это пятьсот долларов

залога, и незадолго до этого застрявшей в каске ветерана всех биологических войн, продающего пончики студенткам из девственного корпуса университетрационного лагеря.

Дозы ультрафиолета закончились, и самая страшная из преподавательниц языка прошла незаметно в кабинет Долтона Скробби, вынесла несколько закруток, откашливаясь спермой, а потом заявила, что она Агата Кристи, и уже не отходила от увеличительного стекла, в которое мы время от времени разглядывали нашу заведующую.

8.

Долтон тоже был парень не промах. Всем известен тот хрестоматийный случай, когда Джону Страпонье запустили в пах такого пинка, что он, как моль, проел пах местной покровительницы искусств до самого аппендикса. Организаторы фестиваля, на котором пришлось участвовать и нам, как руководителям сборной команды женской команды по игре в пенис, разбушевались и кидались тортами. Две карьеристки, выйдя в финал, наплевали друг на друга по самой интересной траектории, которую я когда-либо видел, хотя я не раз бывал на баскетбольных матчах. Состязание плавно перешло в синхронное плавание, и тут я припомнил, что в универе писал диссертацию по цветам, которые увядают, и представьте, какая у меня хорошая память: я во всех деталях вспомнил свое родео с жемчугизированной женщиной из новостей. Все это заметили, но никто не подал и виду, тем более что и я немного смутился и сделал вид, что спасаюсь от дождя, который и в самом деле пошел из-под нескольких юбок сразу.

9.

Какого хрена, сказал я, пытаюсь переехать в другой город, где меньше всяких диснейлендов и темнососковых загорелых мамочек с выискивающими глазами. Искательницы вшей. Пятая с правого бока налетела с размаху на пылесос, который я включил даже не знаю почему, может просто соскучился по хорошей музыке. Ее всосало вместе с париком. Мы собирались на новое мероприятие, светофоры были почти с месяц в ремонте, и мы проскакали полмили пешком.

Тетя Дори! Это была та самая тетя Дори из моего детства, которая прижимала меня к сиське, и я делал вид что очень ласковый, пытаюсь нащупать ее сосок своей

ручонкой. Только ускорение, и никаких компромиссов. Мне приходилось выворачиваться наизнанку, чтобы уложиться в выделенное время, пока кто-то из толпы рассказывал нам о своей семье из комплексных чисел. Я спросил, мол, что за дела, чувак, какие еще факен комплексные числа. Он типа задумался и снова продолжал свой путь, уже не поливая лапшой. Тетя Дори сидела за микшерским пультом, я так хорошо ее запомнил. Такой толстый зад. Я смеялся и думал, что мне больше не нужно покупать мороженое.

10.

В тот вечер я был перегружен ничегонеделанием, ко мне постучались, и я подумал, что это наверно разносчик утренних газет, но - что за черт! - сейчас же вечер, они засветили себя, парни из чикагской преступной группировки за освобождение пятого фронта, странная у них символика на лацканах. Но, открыв дверь, я отбросил все сомнения и с размаху вырубил обоих. Ввалившись в ее комнату, а это оказалась именно она, пряча все мои презервативы, где меньше всяких диснейлендов и темнососковых загорелых мамочек с выискивающими глазами, она удалилась прочь. Искательницы вшей, вашу мать. Пятая с правого бока налетела с размаху на пылесос, который я включил, конечно, знаю почему, может пора бы уже научиться считать и прятаться в сиськи, просто соскучился трогать их мягкой теплой ладошкой. Она обожала меня тискать. Что она здесь делает, черт ее побери, вырвалось у меня, и счетчик калорий сделал реверанс на трех ногах телескопа. Думаю, что он был инопланетянином. Но он еще в транспорте рассказывал нам пошлости. Ускорение я приобретал быстро и мучился, запутанный в сети хорошей музыки. Ее всосало вместе с губами. Наверно запыхалась при доставке пиццы. Платье, в котором мы вместе зачали двух тысяч детей. Она вспомнила об обществе и решила вернуться, хотя я и отговаривал ее по пять раз в день, постоянно экспериментируя с разными смазывающими препаратами. Три ее подруги, одна из которых залихватски дерется на языках и в прошлом году была удостоена гран-при конкурса “Tits & Parole”, ушла жить с индейцами из племени суси. Является ли это прямым следствием забастовки на железнодорожных путях в Германии - не знаю, я не очень-то увлекаюсь политикой.

11.

В основном только тогда, когда показывают и комментируют военную хронику переделов международного рынка, а я в теплой постели с длинноногой девушкой с аккуратными сиськами, мне приходит мысль о стохастических процессах в анализе информации, получаемой от органов чувств. Мой орган чувств был у нее в руках. И это показательно. Вот именно в эти моменты политика становится смыслом моей жизни. Мисс Люси, которой ко времени моего повествования уже исполнилось двадцать пять лет, прекрасно исполняла ритуальные танцы, она была просто мастерица, она училась у какого-то гуру, который мучился только по четвергам и проповедовал жизнь на кончике члена. Забавный верзила возился с ней, и она, не кладя палец в рот шерифу Харрису, заявила, что она Агата Кристи, и уже не отходила от увеличительного стекла, препарируя комиссара Мегрэ.

Долтон изловчился кончить семь раз подряд, смотря «Колесо удачи». На конвейере все шло своим чередом, даже гуманисты получали свои премии и довольные заламывали на паркетах своих любовниц. Всем известен тот хрестоматийный случай, когда Скорбону Долти почудилось, что у его верного пса, потерявшего лапу в схватке с преступником, который убегал, уплетая сливочный пирог, развился дар ясновидения. Не беда, что ему запустили в пах такого пинка, что он как моль проел шерсть местной покровительницы искусств до самого деликатного места.

12.

Организаторы фестиваля, на котором пришлось участвовать и нам, как руководителям сборной команды по игре в тетрис, чихнули в ползущую, как таракан, душу размалеванной кокетки с гуманитарных факультетов, которую я потом раздавил – и из ее души выползло черт знает что... я ж говорю – таракан.

Две финалистки выйдя в финал наплевали друг на друга по самой интересной траектории, которую применяли еще при взятии Бастилии, хотя я не раз бывал на баскетбольных матчах. Состязание плавно вползло через ветерана-парнишку, который, как оказалось потом, был гуру, мы с ним размяли пару первокурсниц, а он еще жаловался, что не может протиснуться. Правда, у него была какая-то дебильная болезнь – ему всегда снилось, что на войне от него остался только член, который перешел по завещанию его матери к какому-то жирному негру, а он

пытается убежать и вдруг понимает, что к ногам у него привязаны партизаны с портовой заставы. Его водили по всем психиатрам в городе, но его сознание еще несло на себе отпечаток положения нонграта.

13.

В лосинах даже и не стоит влезать в ее ванну, так и норовят укусить в стержень, она жила с ними, хотя думала, что с нами, дожила до пятидесяти лет - и вдруг ей пришло срочное письмо, в котором Долтон отказался от еды, думаю, что он отказался и от сна, поэтому кошка, которая живет у него дома и которую он кормит – скорее всего раз в неделю – умеет играть в шахматы, вот тебе парадокс.

Так вот, направившись в одно государственное учреждение, я вдруг вспомнил, что забыл пропуск. Она улыбается так, словно у нее и в самом деле все тип-топ. Как же так, думаю – возвращаться плохая примета и попробовал проникнуть через улицу. Я поднялся по ее волосам, но по ее глазам я так и не понял, хочет ли она меня спрятать или же у нее какой-то свой глубоководный интерес. Санитары тоже шмыг-шмыг. Через таможду тоже не получилось. Они нашли на чьей-то даче голограмму лицензии на благотворительную сексуальную деятельность.

14.

Я даже не мечтал быть с ней, если говорить начистоту. Параллельные линии сошлись. В этом магазине продавали только паззлы. Что-то с ней творилось, чего я не понимал. Я грохал ее мерс во все стены, а она, так это просто бамбуковый медведь, только смеялась. Все это заметили, но никто не подал и воду.

Пятая на фотографии налетела с размаху на пылесос, который я включил, даже не знаю почему, может просто, чтобы вспомнить ее соски, в которые я впивался, как клещ. Мне приходилось выворачиваться наизнанку, чтобы уложиться в выделенное на это время, потому что пришла малява из монастыря и нужно было делать ноги.

Напрямую связавшись с штаб-квартирой адвоката, она стала перебирать свои складки на звезде, делая вид, что готовит годовой отчет. Я, разумеется, не поверил, тем более что у нее в волосах были какие-то заколки, которые окоченели мгновенно, и она все стала упоминать игроков в поло. Она, как назло, несколько

мне не сопротивлялась и все этим испортила на корню. Слегка помешкав, она схватила мой диплом Академии Наук. Они проводили их со стороны севера, в кругу, обведенным калькулятором, который она носила вместо очков. Она сожрала весь холодильник, пока я пытался нафантазировать себе любовь, и сжевала мой нос вместе с какой-то фаршированной гадостью. У нее не было ни сестры, ни брата – только полотенце. Шаманы спели свои бардовские песни, и когда анчоусы запели, пришли нобелевские лауреаты по кунилингвистике и отключили свет из энергонадзора. С вечеринки я уехал с крашенной под панкушу девкой.

15.

Все это заметили, но никто не подал и виду, улегшись на облигационный купон, доставшийся ей по наследству от маркиза де Сада. Я, даже не знаю почему, может просто совершенное число, так похожее на одеяло Бернса Лемса, известного своей привязанностью к плотоядным растениям и перетаскавшим себе в дом почти весь ботанический сад. Я выяснил еще кое-что, что кардинально изменило мой готовящийся к печати доклад о воздействии утреннего приема сметаны на среднечасовую производительность труда. Желающее производство. Средних лет выхухоль села напротив меня, соскучившаяся, как приبلудный пес о трех головах, типа Цербера. Я немного смутился и сделал вид, что спасаюсь от дождя. Секс сквозь слезы. Я собрал свои манатки и, пытаясь проползти еще несколько тысяч лье под водой, улетел вместе с сигнальной ракетой в небо.

Она спрятала свои руки и теперь работала все больше башкой. Не скажу, что от этого всем стало хорошо. Наоборот, я потребовал, чтобы все замолчали. Объем груди у нее был старомодный, еще эпохи дирижаблей. А жожоба обильной. С ней я стал замечать, что выделяю странную слизь, как букашка или там улитка, слизень. Но настойчивость взяла свое, и я кончил ей в волосы, а она запуталась и вместо того, чтобы кончить – начала. Я ей сказал, типа, что ты что делаешь, смени пластинку. И она сменила.

16.

Кто-то может сказать, что он умер хероем. Ему даже воздали почести, как полагается, младенец в полнолуние. Ритуальный автомобиль для ритуальных

пирушек. Потом, конечно, начинались состязания, кто сиськами больше народу передушит. Дохляки синели и выпускали дух. Одна хорошая новость – они не будут гнить на солнце и плодить инфекцию – палачихи сами взяли на себя труд позаботиться о своих подопечных: они их запечатывают в компьютеры и отсылают на Филиппины.

Шаманы спели свои бардовские песни, и когда у всех уже стали расти бакенбарды, с запада пришли волхвы и отключили свет из энергонадзора. С вечеринки я уехал с крашенной эмтивишной пусей в эластичном латексе, так что даже не пришлось искать что-то на ночь. Я, как оказалось потом, еще в детстве кормил ее с руки и за это меня даже поставили в красный уголок. Что же подумалось мне, для разнообразия можно срыгнуть проглоченный вчера на дискотеке свежий номер “Юманитэ”.

17.

В связке оказались почти четыре тысячи человек, запертых на ключи-пароли и в настоящий момент спешно глотающих воздух, нарисованный каким-то проказником, лазающим по небоскребам, как спидермен. Плевать. И тут снова моему сжиженному взору предстала Дори. Несмотря на долгие годы, проведенные на вебках, она держалась молодцом и даже подпевала в такт проносящейся мимо нас музыке из старого сдохшего автомобиля.

Ритуальный автомобиль для ритуальных пирушек. Так и она вызвала мозги сдохшего на днях профессора, защищавшего самых жутких убийц на самых жутких процессах. Когда я уже пятый час конвульсировал в оргазме, вальсируя с ее бедрами, эта алчная сучка не оставила во мне камня на камне, она металась на мне, как на родео. Он завещал свою лысину институту международных отношений, и они провели на нем массу интересных операций, вовлекая в опыты кроликов с соседнего ранчо, где последние несколько лет проживала нога хероя, оторванная Робеспьером в качестве залога успеха.

18.

Я и не знал, что она предпочитает заниматься спиритизмом. Дистанции. Марафонский секс. По вечерам, когда дохляки синели и выпускали дух тоненькой

струйкой, она умудрялась разглядеть свою подругу под органическим стеклом, на котором та подрагивалась, пока мистер Воткни проводил свои таинственные эксперименты. Эти вивисекции воли не выходили у нее их головы. Одна хорошая новость – они не будут гнить на солнце, как у доктора Моро, и плодить инфекцию – палачихи сами взяли на себя труд позаботиться о своих подопечных. Они их пронумеровали, а потом собрали в одну кучу, чтобы посмотреть на сложившийся эпифеномен. Сексоцид. Гуманитарная помощь пришла незамедлительно – несколько новеньких порнотрейллеров прикатили к мостовой и чинно начали разгружаться. Все, я подумал, теперь точно хана!

19.

Она потушила меня в пылу своей скачущей агонии, я растворился в ее волосах, как будто меня и не было. У капитана Фенимора не было ног, поэтому он выбрал себе добрую жену, которая, впрочем, его любила только по четным дням, долго же она водила его за нос на веревочке как таксу, которой вожжа попала под хвост. Озабоченный и проданный в рабство новорожденный арабский скакун перепрыгнул через ограждение и сбежал в туман пустыни. Я до этого два года безвылазно сидел в отсеке, имитирующем природу Земли. Я словно был на дрейфующей полярной станции. И это было так очевидно.

Она пригласила своих подружек, этих блядей с просвечивающими лифчиками поверх размазанной по всему лицу помады. Мадам де Помпадур. Проспав добрых полчаса, она сошла с мебели и сунула обе свои тонкие ножки в игольное ушко, я спешно прошил этой иглой все стены, и они сошлись в каком-то гордиевом узле. Я был немного расстроен, поэтому ее задница примерзла к моей ноге и мы, спешно связавшись с находящимися в данный момент на орбите космонавтами, завербованными местными аборигенами и работающими одновременно как минимум на два правительства, серьезно продвинулись в решении нескольких проблем Гильберта. Зайдя в трц, она сказала, что это пустое множество. Я немедленно согласился. Но я сказал, что я так не согласен, что, мол, пусть уж мне позволят летать на воздушном шаре, пока не собьют; она потянулась к ручке шкафа, которая постоянно убиралась на верхнюю полку и была полностью подготовлена к осенне-весеннему показу мод в доме авиации. Сделав несколько несогласованных движений руками, она вызвала к жизни мозги сдохшего на днях адвоката, защищавшего самых жутких убийц на самых жутких

процессах. Он завещал свою лысину институту международных отношений. Я и не знал, что она предпочитает заниматься спиритизмом здоровому сексу на дальние дистанции. По вечерам, когда я приходил с поля загоревший, она отплывала от берега на полмили, готовила новый завтрак и мы принимались за чтение старых газет, скопившихся в нашем подвале.

20.

Она приглашала меня на казнь и стрелялась лиловостью своих энергетических сисек. В этой камасутре не было победителей, она взяла меня в плен, и я чуть не сорвал себе поясицу. Нашептывая черт знает что, мы спустились в мягкий шелковый подвал, где нас ждали ведьмы в бальных платьях. «Это похоже на какой-то мюзикл!» – воскликнул мистер Долби. На инквизиционное шоу пришли посмотреть все, кому уже исполнилось двадцать лет и у кого был хоть один опубликованный в интернете памфлет против несправедливости жизни.

21.

В такую ночь нужно найти что-нибудь что сможет подтвердить, что вокруг происходит настоящая ночь. Ночь. Ночью все случается по-ночному. Кому об этом неизвестно. Только птицам, не умеющим играть на рояле.

Что-то сидело в углу, какое-то животное, возможно, это была она, просто сидела в своем углу, положив друг на друга свои шесть ног. Ночь хлопала глазами. Ты не в Большом Театре! Банка с золотыми рыбками тебе в помощь. Мне еще приходилось иногда подкармливать братьев наших меньших, как и учил Руссо. Она лечила свою душу в Институте Мозга. Всю ночь я поступал в университет с новыми идеями о переустройстве наслаждений, возведя их в иерархическую систему, в которой, как потом оказалось, мне не оказалось ни единого места. Очевидно, мне следовало надоумить ее понизить градус этих долбанных репрессий, в которой уже сдохли все мало-мальски образованные люди. Это было так утилитарно, что соседняя библиотека была вся до отказа забита миротворческими силами. На этой планете за трах с женщиной-роботом на промышленном вентиляторе с них брали не больше десяти баксов на человека. Старых женщин не брали, потому что они пытались прогрызть трюм. Я видел, как во сне из нее вылез настоящий медведь, и тут уж посмотрев на ее полную

жопу, я подумал – полная жопа. Это, очевидно, было знаком, что пора приступать к гимнастике. И ее волосы вписывались в это, как ничто, прорывающееся вовне.

22.

После митинга последователям культа здорового тела сказали, что утром сдохнут все самые добрые бляди в округе, и даже объявлен бой по радио, что крайне не понравилось товарищу из правительства, приказавшему немедленно запустить истребители, зудящие на аэродромах, как рыжие лобки. Через интернет они поняли, что уже вылетели с базы. Она даже изобрела оперу, которую нужно не петь, а проговорить, уткнувшись в женского моллюска. Дозы ультрафиолета закончились, и самая страшная из преподавательниц языка перешла незаметно в другое утро. Просто утро. Запросто. Пространство выключено и перепрограммировано.

23.

В то скверное марсианское утро пришлось проститься с университетом. Случайно оказавшись в одном из престижнейших районов столицы, мне пришлось, нажавшись магнитной пленки и отчаявшись проползти под подозрительной трубой, куда телки сливали свои комплексы, мне пришлось просто констатировать факт неминуемой эякуляции. Она такая красивая, но временами похожа на грузовой кран. Это так невыносимо, она правда совсем не комплексует и даже бежит за мной, чтобы попугать. Мне пришлось приложить массу усилий, чтобы Пеппи-длинный чулок заправила наши автоминетчики, и ралли началось. Дав не тому, кому следовало, ей пришлось признаться в попустительстве и расточительности своих предков. Аппетит грозил аппендицитом. Не стоит даже рассказывать о подстерегавших их повсюду опасностей, и о том, что первую ночь он и вовсе провел на дереве, чтобы его не достали злые хищники, облюбовавшие газон перед домом.

У собирательниц хвороста были сиськи в человеческий рост, поэтому с ними пришлось поздороваться. Да, да, именно так я и подумал, боже мой, как меня угораздило так завалиться с ней на двустворчатый диван, уложив ноги к северу, как того и требовало мое патриархальное воспитание.

24.

Дрейфуя на больших льдинах, я усвоил один урок – сри быстро. И доверившись этой старой истине, а явился через минуту после пламенного дискурса, в который, как мне показалось, был примешан даосизм, но в целом мои мемуары прошли на ура. Капитан Сильвер кончил в ее зеленые как лагуна глаза, и она, держась обеими руками за банковскую карточку своего избранника, благодарила вселенную.

Я сразу почувствовал в ней, что тетя Дори из моего детства жива, что, держа ее за уши, можно открыть не одну Америку. Выступление двойника какого-то античного тирана было запланировано или на первую декаду декабря, или на последнюю январю января. Это касалось и интеллигентных кошечек в очках и с маткой, вобравшей в себя все психофизические характеристики черных дыр. На взводе мне было море по колено. Я посмотрел на нее с пригорка, и оттуда показался целый взвод хорошо отрепетированных ролей. Я смотрелся в ее соски как в зеркало, за которым может оказаться совершенно другой мир, населенный совершенно другими существами. И по этому поводу даже возникло нечто вроде экспромта или почтамта.

25.

Зазвездье, или сквозь звезду и что там увидел Элис. Элис сидел в космосе в своем брокерском кресле и следил за котировками, поглаживая примостившуюся здесь же неподалеку бурлеску юной университетской целочки Долли, которую потом клонировали, и она выродилась в овцу. Элис сквозь мрачный биржевой туман, окружавший его и Долли, принялся за свои чудом добытые в час-пик пончики, и как следует подкрепившись направился в гости. Но на всех места не хватило, поэтому он продолжал свой путь, уже полностью путая лица с жопами. Ленина забальзамировали, запеленав в “Wall Street Journal”. Я так и знал, что попал в шекспировский театр и других будут шекспирить до визга, только не меня, я сам с усами, которые подрисовал к ее бритому под скинхеда лобку. Спрятав грудь, она заявила, что читала Гегеля и в настоящее время пребывает в полном неприятии его абсолютной идеи. Если абсолютная идея абстрагируется от приговоренных к медленной смерти, то что же в таком случае я, как не вещь-в-себе. Я сказал, что это уже больше Кант. Она не возражала. Леннон пришел первым. Нацисты выработали какую-то новую идеологию, и придерживаясь только ее, ласкали друг друга подтягиваясь на турнике.

26.

Почему мне так хорошо, спрашивает она, это ее сделает в дальнейшем матерью. Она перехватила мой взгляд и вовлекла его в себя. Ее избранник был членистоног. Пожарный и пекарь в одном лице, стало вдруг предельно ясно, стоя под стрелой крана на уличном меморандуме, рядом с мороженым маленького мальчика с флажком какой-то африканской страны. От имени четвертого и последнего лица в комнате она взбирается на соседнюю стену, он преследует ее с горящей динамитной шашкой в простате. Декламировать стихи неприлично, сказали они, рассматривая замусоленную фотографию, где я совсем маленький тычу в дерево ковровой выбивалкой. Мы перепрыгнули на крышу соседнего здания, я загляделся на ее стройные ножки. Я, пробравшись через желание, будто нажал на педаль рояля, мой пульс стучал в глазах, как автоматная очередь. Бэтмен залез ей под юбку и когда она заказала себе стейк, все поняли, что она не одна. Тошно, кошка. Насмеявшись вволю и пробежав несколько сантиметров до телевизора, хотя мне просто необходимо было включить кухонный свет и все утряслось бы само собой, нас замкнуло. Все были сыты, пахло молотым мясом. Четыре клоуна с одним лицом проникли в помещение, которое охраняли люди из ФБР с говорящими собаками. В одном из клоунов я узнал свой сломанный магнитофон.

27.

Нельзя превращать душу в аттракцион. Она только смеялась и лезла целоваться, пытаюсь всосать себе в рот всю мою голову целиком, вот дурная, совсем как лев. Думаю, день еще только начинался. Я налил ей немного молока, и она, виляя клитором, весело подбежала к миске. Я стоял ни сыт, ни мертв, все во мне перевернулось, как в борьбе за гражданские права. В результате, я не выдержал возбуждения и застрелил ее в лицо, но она не умерла, тогда я попытался пристрелить ее еще несколько раз.

Странно, но ее тело было сплошным лицом – ее лицо начиналось на лице и уже больше нигде не прерывалось. Мы устроили концерт. все уселись по местам и взяли в руки инструменты. я взял в руки ее и полилась бесподобная звериная музыка, я задавал аллегро - и мы скакали, высунув все что у нас высывалось. Затем, словно остерегаясь разбудить спящую поблизости мечту, она стала

чесаться задними ногами, зафиксированные на старом полароиде в сорока различных позициях. Мы забивались с ней в душ, и я вдруг понимал, что звезда у нее начиналась от самых ноздрей, а по звуку она напоминала настоящую электрогитару. Fender Stratocaster. Я извлекал из нее различные блюзы. Универсальный инструмент для услаждения всех имеющихся человеческих чувств.

28.

Когда холодильник открылся, вместе с ним открылся ад. Я, нажравшись запретных плодов и надев мои любимые джинсы, представил ее в образе Мэрилин Монро. Конечно, она поздравила меня с днем рождения.

Очевидно, мне следовало это знать раньше, особенно от тех наемных рабочих, что застряли в лифте и пережрали друг друга. По-самолетному реактивные лопасти ее ног вращали меня, словно я дважды прочитал "Улисса". Он даже не снял с себя краснозадую Дороти Далтон. На пятом курсе во время ренессанса она произнесла речь, и с тех пор уже не знала печали, все из-за грязного дядюшки Гарри. Время шло к закату, почтафон, затерявшийся в наших краях со времен последней мировой войны, уже бежал из Латинского квартала с Винни-Пухом под мышкой. У нее была сраная уорхолловская манера кинопереваривать всю дурь современных западных столиц. Сняв из интернета душу и медленно поволочив ее за собой в постель, она продолжала класть ее в стакан с холодной водой.

29.

Златоустый Бивис и Батхед Американский написали длинный пространственный текст о вреде умных людей в обычной жизни. Потом кто-то связался с штаб-квартирой адвоката Бернса Лемса, известного своей привязанностью к хищникам, и дверь захлопнулась у них прямо перед носом у Шортера. Универсальный опознаватель долбоящеров изучал свои собственные фетиши. Пробравшись через штрафную площадку, я сделал длинную передачу страсти. Она заканчивалась числом пи. Войдя в комнату, она запахла и замолчала. Дверь вела наружу, но я боялся выходить. Ясно было только одно: мои яйца – это ядра Мюнхгаузена, и я лечу на них в открытый космос ее звезды. Наверно я псих.

30.

Затухание маятников. Машина засыпает не сразу. Она сначала вспоминает шум. Шум — это базовая форма материи, так говорит физика. Ночной трамвай вспыхнул, как золото в траве. Я трогаю стену, а она отзывается музыкальным тактом. Желание — это не чувство, это алгоритм отбора, постоянно работающий, ни на минуту не останавливающийся, с ошибкой округления.

Плавающая в воде, чувствуешь невесомость, и жто тот самый главный закон, который открыл Архимед, воскликнув: «Эврика!». Вода помнит форму тела, его состояние, его наполнение и ментальное состояние. Больше клетчатки на обед. Аббат и его обед. Поворот ее головы, как разворот круизного лайнера. Вся ее жизнь разворачивается вместе с ней. Ее глаза плывут по холсту реальности. Память воды как память рода, века, планеты, вселенной. Память — это длительный процесс, она не локализуема.

31.

«Мисс или миссис?» —спросил я ее. Вас не видно! Скрытая камера? В энтомологии всё честнее: либо крылья есть, либо их оторвали. Я смотрю на потолок и понимаю, что гравитация — это расстояние от пола. Огонь — это окисление, быстрая форма старения. Мы греемся, потому что хотим назад, в первичный бульон. Бивис и Батхед — апостолы орфографии. Безударные гласные похожи на людей: их слышно только после катастрофы. Я делаю ошибку намеренно, чтобы проверить, жив ли язык. А он лежит и не отвечает на звонки.

Кибернетика давно знает: система проявляется в сбоях. Она улыбается, как интерфейс, за которым пустота. На 'том корабле мы летим уже тысячи лет. Я даже не помню, как я на него попал. А тем более, она. Мы пролетели миллионы галактик. Да, именно этот сыр, пожалуйста, только упакуйте его получше, мне далеко его везти. Мой ренессанс случился на пятом курсе, прямо на лекции: ее рука, подобно спасателю, вытащила меня с самого дна.

32.

Банковская карта вместо алтаря. Мятный бриз во рту. Трое уплыли, как данные без резервной копии. Робинзон модернизировался, и поэтому не остался один: прогресс не лечит одиночество, он его обожествляет. Полуоткрытые глаза — это всегда подозрение. Астрология ошибается чаще, чем статистика, но красивее. Я верю только в орбитальное движение тел.

После лета деревья умирают, прямо как люди. Экология — это разновидность порнографии: все лишь смотрят, но никто не трогает. Истребители летят, потому что не умеют ходить. И в этом их сила. Так мне нагло и заявил Скрудж Челси. Хотя я и ума не мог приложить, откуда он взялся. Руди говорит, что он наполовину мультфильм, наполовину футбольная команда. Я не хочу с ним спорить, тем более что он в этом лучше разбирается.

33.

Опера, которую шепчут, отменяет аэродинамику. Звук идёт не наружу, а внутрь. В ухе тёти Салли находится тонкая нить Ариадны. И я, разматывая ее, ухожу вглубь ее фантазий. Минотавр читает детективы. Я так и не смог его расшевелить, поэтому решил бороться сам с собой. Преподавательница языка растворилась в синтаксисе. И я ее больше не искал. Агата Кристи — это просто удобный способ сказать «нет»: сначала все живы, а потом кого-то уже уколошили.

Долтон кончает сериями, как конвейер Форда. Индустриализация оргазма — побочный эффект модерна. Пинок в пах открывает шампанское и новые тоннели культуры. Моль — лучший критик искусства: она ест только то, что считают ценным. Фестиваль превращается в тетрис. Фигуры падают, не спрашивая. История всегда заполняет пустоты там, где мы не планировали.

34.

Синхронное плавание — это демократия тел. Я вспоминаю диссертацию о цветах: увядание — самая честная палитра. Этот город обещает больше упругих сосков, но не меньше пустоты. Урбанистика не учитывает тоску как параметр, а зря. Пылесос ее головы включён. Шиньон исчезает первым. Музыка — это генератор ритмичных движений бедер. Мороженое больше не нужно.

Комплексные числа заводят семьи. Мнимая часть всегда главная, но её в основном и стесняются.

Вечером стучат мысли, как печатная машинка, которой нечего сказать. Белый лист как белый шум. Проступают голоса, хотя я их не звал. Теория заговора проста: всегда верь в самое невозможное — и оно материализуется. Алгоритмы множат себя, как женщина в синем платье из моих снов.

Военная хроника в постели. Мисс Люси танцует особый ритуал. Антропология утверждает: танец старше закона. Комиссар препарирован. Правосудие — это форма вскрытия. И оно все показало: копия всегда живёт дольше оригинала.

35.

Параллельные линии сходятся в продуктовом магазине, когда волны мерседесов бьются о скалы ресторанов. Кинетическая энергия переходит в потенциальную, и наоборот. Монастырский квас сладок. Калькулятор вместо очков. Мистер Воткни всегда всем говорил, что мир лучше считать, чем видеть. И именно об этом поэт шаманы. Потому что музыка отменяет причинно-следственные связи. Выхухоль напротив - молчит. Зоология лишь подтверждает одиночество. Но эволюция это не одобряет. Времени всё равно.

Компьютеры, как гробы информации. Этот парень с ноутбуком похоронит его на работе. Цифровое бессмертие пахнет пластмассой. Волхвы отключают свет. Мифология лучше знания.

36.

Четыре тысячи слов - средний запас для внутреннего диалога. Ее звезда живет на дне ее. Ключи — это форма поэзии. Дори который день поёт вебкамере. Возраст — это разрешение экрана. Спиритизм предпочёл секс. Гильбертовы проблемы решаются бедрами. Математика аплодирует стоя. Ночь лишь подтверждает себя. Фотонам не нужны свидетели.

Институт мозга не лечит душу. Ошибка в оформлении заявки. Пространство перепрограммировано. Утро запускается с ошибкой в коде. Марсианское утро отменяет мой сегодняшний университет. Образование не выдерживает вакуума.

37.

Я и не думал, что мне так часто будут попадаться служители культа банковской карточки. Все эти ритуалы ее обслуживания. Причащение кэшбеком. Долтон Долби не раз мне говорил, что любой банковский продукт создан для поклонения. Конечно, чтобы взять вредит, в него нужно поверить. Я с ним тут полностью согласен. Ну и это не исключает, что зазеркалье доступно всем. Тутси покрутила пальчиком у виска и, надув губки, сказала: «капитализм любит неопределённость». Поезда ушли в депо. Сегодня я искал абсолютную идею, но она никому ничего не отвечает. Кант тоже молчит. Я, конечно, понимаю, что её тело - инструмент. В этой симуляции деревья не отбрасывают тени. Машина желания не останавливается. Она просто имитирует конец.